
ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-160-174

Л. Ю. Лепешкина¹*Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Россия)*

ПОСВЯЩЕНИЕ В «ЗНАЮЩИХ» В БЫЛИЧКАХ И ПРЕДАНИЯХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ, СОБРАННЫХ ФОЛЬКЛОРИСТОМ Д. Н. САДОВНИКОВЫМ

В статье рассматривается тема посвящения в «знающих» на примере быличек и преданий, собранных фольклористом Д. Н. Садовниковым в 1860–70-е гг. Несмотря на то, что Д. Н. Садовников собирал свои материалы в Самарском крае, данные тексты типичны для Среднего Поволжья по своему содержанию. Поэтому они являются отражением средневожской фольклорной традиции. Новизна исследования состоит в выделенных способах посвящения в «знающих»: прямое взаимодействие с нечистой силой, родительское проклятие, чтение магических книг, обладание необычной внешностью, путешествия. Эти способы инициации фантастичны по сравнению с теми фактами постижения тайных знаний, приведенными в этнографической литературе, и раскрывают глубину человеческих страхов перед неизвестным и сверхъестественным.

Ключевые слова: быличка, Д. Н. Садовников, «знающий», знахарь, инициация, колдун, предание, Среднее Поволжье, тайное знание

L. Yu. Lepeshkina*The Volga Region State University of Service (Togliatti, Russia)*

INITIATION INTO "THE KNOWING ONES" IN BYLICHKAS AND LEGENDS OF THE MIDDLE VOLGA REGION COLLECTED BY FOLKLORIST D. N. SADOVNIKOV

¹ Лепешкина Лариса Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Высшей школы туризма и социальных технологий Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти, Россия), член Русского географического общества. E-mail: lara_yura@list.ru.

The article deals with the theme of initiation into “the knowing ones” on the example of bylichkas (true stories) and legends collected by folklorist D. N. Sadovnikov in the 1860–70s. Despite the fact that D. N. Sadovnikov collected his materials in Samara region, these texts are typical for the Middle Volga region in their content. Therefore, they are a reflection of the Middle Volga folklore tradition. The novelty of the study lies in the highlighted ways of initiation into “the knowing ones”: direct interaction with evil spirits, parental curse, reading magic books, having an unusual appearance, travelling. These methods of initiation are fantastic in comparison with the facts of comprehension of secret knowledge given in ethnographic literature and reveal the depth of human fears of the unknown and supernatural.

Keywords: D. N. Sadovnikov, “knower”, witch doctor, sorcerer, bylichka, story, Middle Volga region, initiation, secret knowledge

Ритуалы посвящения в «знающих», т.е. ритуальных специалистов, занимали особое положение в традиционной культуре народов Среднего Поволжья. Данные ритуалы и сами «знающие» как обладатели сверхъестественных умений и навыков на обыденном уровне вселяли страх в силу своей неординарности, но одновременно они привлекали серьезное внимание ученых. Наряду с научными публикациями в области этнографии и фольклористики народные сказки, былички и предания также служат любопытным источником информации об этом культурном явлении. К подобному источнику могут относиться тексты, собранные фольклористом Д. Н. Садовниковым в Самарском крае во второй половине XIX в. и включающие различные сюжеты о фантастическом превращении человека в «знающего».

Русский поэт, фольклорист и этнограф Дмитрий Николаевич Садовников родился в г. Симбирске (Ульяновске) 7 мая 1847 г. в небогатой дворянской семье. В 1867 г., переехав в г. Москву, он начал работать у зажиточного купца в качестве учителя и переводчика с английского языка. Частью службы были путешествия по России и за границей. Затем Д. Н. Садовников вернулся в Симбирск, где устроился учителем в помещичью семью. Но этнографические сведения, полученные им во время путешествий, имели огромное значение для создания его сборников фольклорных произведений. Наибольшую известность получили составленные Д. Н. Садовниковым «Загадки русского народа» (1876), «Языческие сны русского народа» (1882) и «Сказки и предания Самарского края» (1884).

Среди упомянутых произведений «Сказки и предания Самарского края» отличаются обширностью сюжетов, объединенных общим местом их распространения – Среднее Поволжье (Самарская и Симбирская губернии). Они включают 183 рассказа, собранных в 1860–70-е гг. В 1884 г. данная книга была

издана в 12-м томе Записок Императорского Русского географического общества по отделению этнографии и вошла в число лучших фольклорных сборников. Ценность произведений, собранных Д. Н. Садовниковым, заключается в том, что они воплощают не только «общерусскую традицию», но и фольклорную традицию Среднего Поволжья [Соломина, 2016, с. 70]. Однако следует подчеркнуть, что название сборника не совсем верно отражает жанровую принадлежность помещенных в него текстов. Преимущественно они представляют собой былички, а также предания по сюжетному типу и по манере изложения. Объясняется такое противоречие между названием сборника и его содержанием тем фактом, что сам автор свой сборник никак не назвал, ибо тот вышел после его смерти под редакцией известного исследователя русской литературы и действительного члена Императорского Русского географического общества Л. Н. Майкова.

В целом, несмотря на противоречивость названия сборника, находящиеся в нем произведения раскрывают уникальный пласт народных представлений о тайных знаниях, передача которых, с одной стороны, носит мистический характер, а с другой – показывает степень глубины человеческих страхов перед потусторонним и неизвестным. Это предопределяет новизну нашего исследования: благодаря анализу быличек и преданий Среднего Поволжья удастся выявить конкретные способы посвящения в «знающих». Такие способы инициации фантастичны по сравнению с теми фактами постижения тайных знаний, приведенными в этнографической литературе, но в то же время они помогают объяснить мотивы людей, связанные с их стремлением стать «знающими».

Сама история изучения «знающих» началась более ста лет назад. За этот исторический период в зарубежной и отечественной науке был накоплен немалый исследовательский опыт в осмыслении функций и статуса «знающих» в традиционной культуре. Э. Э. Эванс-Причард, К. Клакхон, М. Дуглас, В. Тёрнер, М. Элиаде обратили свое внимание на социальную группу ритуальных специалистов как носителей сверхъестественной энергии и выделили ее специфические характеристики. В отечественной науке XVIII-XX вв. «знающие» не изучались комплексно, в качестве отдельного социального института. Их рассматривали как часть повседневной жизни какого-либо народа (М. М. Забылин, Н. А. Афанасьев, Д. Н. Ушаков), как народных целителей (С. В. Максимов, В. И. Харитонов, Л. И. Никонова), как мифологических героев (Э. В. Померанцева, Н. А. Криничная, Е. Е. Левкиевская и др.). Охватить весь этнографический материал, посвященный «знающим», в рамках данной статьи не представляется возможным, и это не является целью нашего исследова-

дования. Вместе с тем тот внушительный массив научных публикаций о ритуальных специалистах как хранителях тайных знаний свидетельствует о важной и одновременно неоднозначной роли подобных персонажей в традиционном обществе. С одной стороны, эти специалисты были воплощением народной мудрости, трансляторами особого опыта преодоления различных невзгод, а с другой – «белыми воронами», выбивавшимися из коллектива соплеменников с его устоявшимся укладом жизни.

В последнее время в зарубежной и российской научной литературе появилось несколько публикаций, в которых даются довольно точные определения понятия «знающий». Зачастую эти определения сводятся к описанию человека, владеющего магическими приемами, «шаманской силой и знаниями» [Lipp, 2001, p. 104; Wright, 2020, p. 297], способностью «вступать в контакт со сверхъестественным в интересах частных лиц или общины» [Prufer, 2002, p. 51]. В зависимости от ситуации подобные качества «знающего» могут использоваться во благо или во зло [Поповкин, Поповкина, 2022; Лобач, 2020; Поповкина, 2018, Левкиевская, 2015]. Тогда этого человека называют знахарем или колдуном.

Исследователь И. И. Русинова выделяет несколько типов ритуальных специалистов («знающих») в русской культуре: «колдун / колдунья и знахарь / знахарка; словник / словница, шептун / шептунья, оперирующие вербальными средствами магиго-медицинских практик; “чужаки” – это персонажи, владеющие некрестьянскими профессиями, либо люди иной этнической, конфессиональной, территориальной принадлежности, либо люди, обладающие специфичной внешностью и физическими аномалиями; пожилые люди как хранители знания» [Русинова, 2022, с. 545].

Рассматривая положение «знающих» в удмуртской культуре, Н. И. Шутова описывает их как «лиц, которые владели сакральным знанием и руководили религиозной практикой» [Шутова, 2017, с. 67]. К ним относятся жрецы (хранители святилищ) и предсказатели (гадатели, знахари, колдуны).

Этнолог Н. Е. Мазалова дала следующую характеристику «знающему» человеку: «Неважно, был ли человек стар или молод, беден или богат, одинок или у него была семья, главное, что он обладал “тайным” знанием, которое и позволяло ему осуществлять связи с потусторонним миром. Обладание сакральным знанием – главный маркер статуса ритуального специалиста» [Мазалова, 2016, с. 35]. Приобщиться к тайному знанию, считает исследователь, становилось возможно благодаря воссоединению с нечистой силой, накоплению магических приемов для их активного использования в повседневной жизни, освоению

нескольких заговоров или магических практик для применения в кругу близких людей [Мазалова, 2016, с. 35]. На обыденном уровне «знающий» представлялся человеком преимущественно пожилым, с жизненным опытом, что позволяло ему «находить правильное решение в самых серьезных ритуальных ситуациях» [Салмин, 1997, с. 7].

Мифологическая трактовка посвящения в «знающего» предполагала, что человек наделялся сверхъестественными умениями и навыками в результате столкновения с диковинным животным или духом в символических местах – в бане, на перекрестке, в лесу [Криничная, 2002, с. 11–12]. В. Я. Пропп утверждал, что «обряд посвящения производился именно в лесу», поскольку он дремуч, тёмн и таинственен и одновременно служит «входом в царство мертвых» [Пропп, 2000, с. 40, 41]. В лесу или иных «пограничных» точках пространства, отделявших потустороннюю сферу от реального бытия, происходило «поглощение» или доведение до состояния ужаса антропоморфным (чаще леший, водяной, чёрт) или зооморфным (например, собака, лягушка, змея как символы загробного мира) существом человека, а затем возрождение после перенесенного страха последнего в новом статусе «знающего». Исторические источники не позволяют подтвердить достоверность упомянутой инициации, но при анализе быличек и преданий можно понять, насколько глубокой оказывалась вера в фантастическое посвящение в «знающих».

В быличках, собранных Д. Н. Садовниковым, неоднократно повторяется сюжет о добровольном объединении человека с нечистой силой ради наведения страха или духовного подчинения деревенского населения. Например, история о продаже человеком души Водяному раскрывает процесс посвящения в знахари: «Одному мельнику сильно везло: он Водяному душу на срок продал и всё ему с той поры удавалось. Воду ли где остановить, поломать ли у кого на мельнице, все, бывало, к нему. Он по этой части знахарь был» [Сказки, 1884, с. 227–228].

В другой быличке повествуется о «рождении» колдуна по причине удивления от увиденного, потребности развлекаться и устраивать «бесовские потехи»: «Около Василя ... двое фармазонав² в лодочке плавали, – так, бывало,

² В русском языке понятие «фармазон» («фармасон») поначалу было синонимом слова «масон» или «франк-масон» (в переводе с французского «*franc-maçon*» – «вольный каменщик»). Потом так называли всех либералов, вольнодумцев, оппозиционеров. Еще позже в делинквентном жаргоне оно означало «мошенник». В «Толковом словаре» В. И. Даля данное понятие определялось как вольнодумец и безбожник [Даль, 1995, Т 4,

что делают! Возьмут, вынут со дна камень, кинут на берег, он в голого мужика оборотится; кинут другой, тот – в бабу, и давай друг с дружкой плясать. Одному и понравилось это. “Поучите!” говорит. “Изволь! Поди к нам!” Стали его учить; он понимать начал» [Сказки, 1884, с. 377].

По приведенным примерам невозможно судить о правдоподобности способов превращения человека в знахаря или колдуна. Они лишь намекают на фантастический характер приобретения тайных знаний, сложно объяснимого с рациональной точки зрения. Вместе с тем упомянутые былички указывают на конкретные мотивы людей, пожелавших стать «знающими»: стремление обрести власть над жителями деревни или тяга к бесовским развлечениям, недоступным для простых смертных.

В то же время колдунов невероятно боялись. Если в деревне умирал колдун, то в его тело втыкали «осиновый кол, пятки подрезали, да щетиной присыпали, чтобы после смерти не приходил и добрых людей не пугал» [Сказки, 1884, с. 238]. Считалось, что это избавляло от дурного влияния злого мертвеца.

Страх перед тайным знанием породил иного рода сюжет о нежелании человека проходить посвящение в «знающего» через взаимодействие с нечистой силой. Парень спасся от Водяного и пребывания в подводном царстве, поцеловав крест. В родном доме священник, читая псалтырь, окончательно изгнал из него бесов [Сказки, 1884, с. 228]. Очевидно, что христианские символы (крест, молитва, святая вода и пр.) были превосходными оберегами не только от нечистой силы, но и перехода в «знающего». В православии «знающий» как обладатель сверхъестественных умений был тесно связан с дьяволом, поэтому церковники всячески пресекали его деятельность. Нередко священники предавали анафеме носителей тайных знаний [Сказки, 1884, с. 244].

с. 532]. В «Толковом словаре» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова указывалось, что к «фармазонам» относили вольнодумцев и нигилистов. Хотя в этом же словаре понятие «фармазон» применялось к лицам, у которых «всё в тайности», к чудакам и сумасбродам, о чем свидетельствуют следующие строки А. С. Пушкина: «Сосед наш неуч, сумасбродит, он фармазон; он пьет одно стаканом красное вино» [Толковый словарь, 1996, Т. 4, с. 1060]. В Малом энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона отмечается, что в среде франк-масонов стали возникать различные мистические секты [Брокгауз-Ефрон, 1997, Т. 4, с. 1911]. Такие секты могли повлиять на формирование ореола таинственности вокруг людей, занимавшихся непонятной деятельностью, и причисление их к носителям тайных знаний. По-видимому, в представленной быличке речь идет о свободолобивых мистиках, владеющих магическими приемами по превращению камней в людей.

Немало быличек в Среднем Поволжье посвящалось взаимодействию человека и чёрта [Сказки, 1884, с. 248–250]. В результате добровольного контакта с таким представителем нечистой силы человек получал в дар тайные знания. Также встреча с чёртом могла стать предвестником инициации в «знающего».

Обращаясь к исследованию сказок В. Я. Проппом, подчеркнем, что в разных персонажах нечистой силы (леший, водяной, чёрт и пр.) воплощается образ «яги». Причем данный образ, как указывал ученый, проявлялся во всевозможных сказочных историях в трех формах: яга-дарительница, яга-похитительница и яга-воительница [Пропп, 2000, с. 36]. Яга-дарительница доминировала в случаях, когда человек стремился к добровольному союзу с нечистой силой, взамен получая от нее в дар тайные знания. Это был один из самых популярных волшебных способов превратиться в «знающего». Яга-похитительница присутствовала, например, в быличках «Про леших и водяных» о похищении и попытках умерщвления главных героев [Сказки, 1884, с. 226–230]. Яга-воительница обнаруживала себя в ситуации наказания главного героя нечистой силой за оскорбление и своеволие. Так, в быличке «Кузнец и чёрт» черти наказали человека за отказ служить им. Ни хитрость, ни знания, ни жизненный опыт не смогли спасти кузнеца от гибели [Сказки, 1884, с. 250].

Значит, человек, стремящийся к взаимодействию с нечистой силой и осваивающий магические приемы, должен быть хитрым, находчивым, осторожным и дипломатичным, чтобы не обидеть «дарителя» (термин В. Я. Проппа). Иначе последний не оценит искренность намерений неофита и не вознаградит его тайным знанием.

Любопытно является то, что сами «дарители» и места, где они обитают, связаны со смертью и царством мертвых (темный лес, водоем). Именно через процесс символического умирания и воскрешения главных героев быличек и преданий происходила их инициация в «знающих», что соответствовало логике осуществления любого ритуала посвящения.

Своеобразным источником тайных знаний становилось родительское проклятие. В быличке «Про кабачную кикимору» описывается красивый мужчина, который приносил удачу целовальнику в мошеннической торговле вином. Этот красавец был проклят своим отцом, когда еще находился в утробе матери. Он тридцать лет скитался по свету, но от рождения обладал магическими способностями, позволявшими ему предвидеть будущее и обманывать разных людей [Сказки, 1884, с. 235].

Тем не менее родительское проклятие не могло само по себе породить тайное знание у ребенка. Родители, проклиная своего отпрыска, по мысли афонского старца Паисия Святогорца, как бы «посвящали» его дьяволу через бранные слова или выражения, например: «Чтоб тебя чёрт побрал!» [Афонская тетрадь, 2015]. Родительское проклятие создавало особую атмосферу зла, в которую погружалось провинившееся чадо. Находясь в этой злой атмосфере, ребенок оказывался беззащитным перед воздействием нечистой силы. И только через подобное воздействие удавалось ему постичь тайны мироздания, стать носителем колдовского начала.

Превратиться в «знающего» было возможно, читая книги по черной магии («черная книга», колдовская книга). В предании «О фармазонах» владельцем такой книги являлся барин-масон. Эта история обращается к популярному стереотипу о том, что масоны занимались тайной деятельностью и обладали магическими знаниями. Поэтому книги, которые они читали, считались дьявольскими и вызывали страх. Так, слугу, почитавшему «черную книгу» барина-масона, преследовала полковая музыка и фантастическая черная собака [Сказки, 1884, с. 378]. Упомянутый сюжет имеет сходство с эстонским преданием о колдовской книге, оставленной ее хозяином на столе и попавшей в руки чужому лицу (слуге). Слуга, читая книгу, наполняет комнату духами мертвых. По одной версии предания хозяин, вспомнив о книге и почувствовав беду, возвращается домой и спасает слугу от духов. По другой версии слуге удастся с трудом отправить нечистую силу обратно в книгу. Согласно третьей версии, душу тещи колдовской книги духи забирают с собой [Койва, 2011, с. 71–72].

В описанных преданиях утверждается идея, что книга – это источник тайных знаний. Владеть ими мог лишь хозяин книги. «Чужие» тещи жестоко наказывались за посягательство на нее. Это свидетельствует о том, что передача тайных знаний носила ограниченный характер, могла осуществляться устно или посредством чтения особых книг только в узком кругу избранных потусторонними силами людей. Широкое распространение колдовской книги среди иных лиц лишило бы ее магических свойств, что, по сути, и произошло в постсоветской России. Тиражирование разнообразной эзотерической литературы в конце XX в. придало ей черты массовости, исключая ее из числа уникальных трансляторов тайных знаний.

Помимо воссоединения с нечистой силой, родительского проклятия и чтения книг по черной магии, причастность к тайным знаниям была присуща людям с физическими аномалиями (косоглазие, хромота и т.п.) и психическими

расстройтвами. Также уродство или необычайная красота служили индикаторами наделения человека магическим даром. Подобные представления присутствуют не только в фольклорных текстах, но и подтверждаются научными публикациями этнографов [см. например: Егорова, 2012; Никонова, 2000].

Но вернемся к историям из сборника Д. Н. Садовникова, связанным с проявлением необычной внешности. В предании «Марина – Русалка» описывается женщина, которая извела своего мужа и приворожила юношу Ивана Курчавого. Ее звали Мариной. Она была суровой, но красивой: чернобрововой, черноглазой, с лицом, как фарфор, на ее щеках играл румянец, а взгляд был пронзительным. От такого взгляда «захворать даже можно» [Сказки, 1884, с. 384]. Вот Иван Курчавый заболел из-за ее пронзительного взгляда, но родители вылечили парня с помощью знахаря и женили на хорошей девушке. Марина, узнав об этом, утопилась в р. Волге и превратилась в русалку. Но после исчезновения женщины Иван не смог жить спокойно, затосковал по ней и отправился в подводное царство.

Следовательно, данное предание отражает человеческие страхи, обусловленные восприятием необычной внешности. Особые черты лица или пронзительный взгляд могли стать источником внутреннего беспокойства, поскольку ассоциировались с «чужим», отличным от общепринятого. Впрочем, настороженное отношение к неординарному внешнему облику человека получило распространение в разных культурах. Например, в известном трактате европейского Средневековья «Молот ведьм» именно необычная внешность и нестандартное поведение выступали признаками тайного сговора их обладателя с дьяволом. Наличие физических недостатков или пронзительного взгляда, нелюдимость или распутство потенциально располагали к развитию колдовских (знахарских) способностей у человека [Шпренгер, 2006]. Поэтому образ Марины-русалки в волжском предании основан на тех же стереотипных представлениях, доминировавших в демонологических сочинениях³ XV-XVI вв., о дьявольских слугах – ведьмах и колдунах. Эта история предупреждает, что общение с такой чужеродной героиней может привести только к страданиям и гибели человека, который пренебрегает столь почитаемым в традиционном

³ Тема распознавания ведьм/колдунов и борьбы с ведовством после издания «Молота ведьм» монахов-доминиканцев Якова Шпренгера и Генриха Инститориса в 1487 г. рассматривалась в таких трактатах, как «Демонomanия колдунов» (1580 г.) Жана Бодена, «Демонология» (1597 г.) английского короля Якова I Стюарта, «Демонolатрия» (1595) Николая Реми.

обществе принципом «свой – чужой» ради вкушения запретного плода.

Другим вариантом произвольного посвящения в «знающих» в традиционной культуре являлись долгие странствия. Путешественник (гость), будучи «чужим», подсознательно наделялся сверхъестественными способностями, мог нанести порчу и даже повлиять на судьбу хозяев дома. Здесь жизненный опыт странника становился «дарителем» тайных знаний. Поэтому страх перед путником заставлял избегать излишнего с ним общения. Кроме того, страх возврата странника требовал совершения ритуальных действий, запрещавших его возвращение. Например, после ухода гостя из жилища мыли ручку двери и подметали пол [Садиков, Хафиз, 2010, с. 72]. «Чужое» соотносилось с мифологическим, с иными представлениями и ценностями, которые собирались в странствиях и были недоступны людям, привыкшим к неторопливому, оседлому образу жизни. В результате возникало боязливое отношение к путнику как всезнающему субъекту («много видел, много знает»), носителю всего тайного и далекого от понимания.

Вместе с тем к путешественнику могли обратиться за знахарской помощью в случае болезни. Так, в предании «Марина – Русалка» приехавший в дом Ивана Курчавого чуваш лечил «сбесившегося» парня от дурного влияния главной героини [Сказки, 1884, с. 386]. Получается, что странник символизировал два образа: знахарский (доброе начало) и колдовской (злое начало). Преобладание какого-либо из них зависело от доброжелательного или негативного настроения принимавшей путника стороны.

Осмысление быличек и преданий Среднего Поволжья, в которых герои превращаются в «знающих», позволяет в них выделить ступенчатую структуру, предложенную Е. М. Мелетинским [Мелетинский, 2003, с. 262]. Первоначально герои произведений из сборника Д. Н. Садовникова проходили предварительные испытания: встреча с нечистой силой, чтение «черной книги», жизнь с необычной внешностью или родительским проклятием, путешествие. Подобные испытания требовали проявления выдержки, находчивости, хитрости. Успешность прохождения предварительных испытаний неопитом предопределяла вероятность получения им главного приза от «дарителя» (сверхъестественного существа, жизненного опыта) – тайных знаний. Фактически исследуемые поволжские тексты отражают подлинную картину бытия людей: без дополнительных испытаний и усилий невозможно обрести более высокое социальное положение в обществе, в том числе статус «знающего».

Таким образом, в быличках и преданиях Среднего Поволжья, собранных Д. Н. Садовниковым, доминировали следующие способы посвящения в «знающих»: прямое взаимодействие с нечистой силой, родительское проклятие, чтение магических книг, наличие специфичной внешности, путешествия. Указанные способы не имели гендерных и возрастных ограничений. Если в реальной жизни «знающий» представлялся, как правило, немолодым человеком с богатым жизненным опытом и развитыми качествами профессионала в той или иной области, то в быличке и предании он мог быть универсальным героем любого возраста и пола, которому становился подвластен весь мир или другой индивид. Участники фантастических инициаций испытывали потребность обладать тайными знаниями, чтобы управлять кем-то или чем-то, понимать смысл настоящего и предугадывать будущее. По сути, тексты из сборника Д. Н. Садовникова транслировали мечту человека о его превращении во всезнающую, харизматичную личность, с выраженной «волей к власти» и способностью влиять на судьбы иных членов социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афонская тетрадь. Истории о преподобном Паисии Святогорце.** – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 112 с.
2. **Даль, В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. Т. 4 : Н – V. – Москва : ТЕРРА, 1995. – 688 с.
3. **Егорова, О. В.** О восприятии жизни и смерти в традиционном чувашском обществе / О. В. Егорова // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность : материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 91–94.
4. **Койва, М.** Колдовские, магические и заговорные книги в эстонском фольклоре / М. Койва // Центр и периферия. – 2011. – № 3. – С. 69–75.
5. **Криничная, Н. А.** Посвящение в колдуны: историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний / Н. А. Криничная // ЭО. – 2002. – № 2. – С. 10–23.
6. **Левкиевская, Е.** «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области / Е. Левкиевская // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина; отв. ред. Д. В. Громов. – Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2015. – С. 10–34.
7. **Лобач, В. А.** Колдуны и ведьмы в народных представлениях витебско-псковского пограничья XX – начала XXI в. / В. А. Лобач // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: сборник материалов III Международной научной конференции 27–29 сентября 2018 года в г. Пскове / под ред.: Н. В. Большаковой, А. Г. Разумовской. – Псков: Логос, 2020. – С. 166–181.

8. **Мазалова, Н. Е.** Социальный статус «знающих» в традиционном русском обществе (по материалам Поволжья XIX – начала XX в.) / Н. Е. Мазалова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 33–45.
9. **Малый энциклопедический словарь:** в 4 т. Т. 4 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. – Москва : ТЕРРА, 1997. – 624 с.
10. **Мелетинский, Е. М.** Миф и сказка / Е. М. Мелетинский // Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике / сост. Ю. Г. Круглов, О. Ю. Круглов, Т. В. Смирнова; под ред. Ю. Г. Круглова. – Москва: Высш. шк., 2003. – С. 257–264.
11. **Никонова, Л. И.** Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения / Л. И. Никонова. – Рузавка, 2000. – 153 с.
12. **Поповкин, А. В.** К проблеме различения и типологии носителей магического знания в культурах восточных славян / А. В. Поповкин, Г. С. Поповкина // Вестник славянских культур. – 2022. – Т. 64. – С. 65–77.
13. **Поповкина, Г. С.** Колдовство с точки зрения христианской традиции / Г. С. Поповкина // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – № 21. – С. 85–98.
14. **Пропп, В. Я.** Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – Москва : Издательство «Лабиринт», 2000. – 336 с.
15. **Русинова, И. И.** Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов как особая идеографическая сфера: комплексное исследование : дис. ... д-ра филологических наук / И. И. Русинова. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – 640 с.
16. **Садиков, Р. Р.** Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века: экспедиционные материалы Уно Хольмберга / Р. Р. Садиков, К. Х. Хафиз. – Уфа : Ин-т этнологических исслед. Уфимского науч. центра РАН, 2010. – 100 с.
17. **Салмин, А. К.** Предводители обрядов у чувашей / А. К. Салмин. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1997. – 78 с.
18. **Сказки и предания Самарского края.** Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым // Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. Т. XII. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1884. – 389 с.

19. **Соломина, И. Ю.** Мифологическое туристское пространство Самарского края: реальность и возможности / И. Ю. Соломина // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2016. – Т. 10. № 3. – С. 64–72.
20. **Толковый словарь русского языка:** в 4 т. Т. 4 / под ред. проф. Д. Ушакова. – Москва: ТЕРРА, 1996. – 752 с.
21. **Шпренгер, Я.** Молот ведьм / Яков Шпренгер, Генрих Инститорис. – Санкт-Петербург: Амфора, 2006. – 523 с.
22. **Шутова, Н. И.** Удмуртские знающие/гадатели туно в конце XVIII–XX веках: способности, функции, социальный статус / Н. И. Шутова // Традиционная культура. – 2017. – № 2 (66). – С. 67–78.
23. **Lipp, F.** “A Comparative Analysis of Southern Mexican and Guatemalan Shamans”, *Mesoamerican Healers*, 2001. P. 95–116.
24. **Prufer, K. M.** Communities, Caves, and Ritual Specialists: A Study of Sacred Space in the Maya Mountains of Southern Belize. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Ph.D. Department of Anthropology in the Graduate School Southern Illinois University Carbondale, July 2002. – 777 p.
25. **Wright, M. A.** “Nephite Daykeepers: Ritual Specialists in Mesoamerica and the Book of Mormon”, *Interpreter: A Journal of Latter-day Saint Faith and Scholarship*, 2020, Vol. 28. – P. 291–306.

REFERENCES

1. **Afonskaya tetrad'.** *Istorii o prepodobnom Paisii Svyatogortse.* – Moskva : Izdatel'stvo PSTGU, 2015. – 112 s.
2. **Dal', V.** *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. / V. Dal'.* Т. 4 : H–V. – Moskva: TERRA, 1995. – 688 s.
3. **Egorova, O. V.** *O vospriyatii zhizni i smerti v traditsionnom chuvashskom obshchestve / O. V. Egorova // Mentalitet i etnokul'turnoe razvitie volzhskikh narodov: istoriya i sovremennost': materialy mezhtseleobshchestvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* – Cheboksary: ChGIGN, 2012. – S. 91–94.
4. **Koyva, M.** *Koldovskie, magicheskie i zagovornye knigi v estonskom fol'klore / M. Koyva // Tsentri i periferiya.* – 2011. – № 3. – S. 69–75.
5. **Krinichnaya, N. A.** *Posvyashchenie v kolduny: istoriko-etnograficheskaya osnova russkikh mifologicheskikh rasskazov o peredache-usvoenii ezotericheskikh znaniy / N. A. Krinichnaya // EO.* – 2002. – № 2. – S. 10–23.
6. **Levkievskaya, E.** *«Narodnoe otpevanie» v Samoylovskom rayone Saratovskoy oblasti / E. Levkievskaya // Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoy kul'ture / sost. A. D. Sokolova, A. B. Yudkina ; otv. red. D. V. Gromov.* – Moskva: In-t etnologii i antropologii RAN, 2015. – S. 10–34.

7. **Lobach, V. A.** Kolduny i ved'my v narodnykh predstavleniyakh vitebskovskogo pogranich'ya XX – nachala XXI v. / V. A. Lobach // Kul'turnyy landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashchee, budushchee : sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 27–29 sentyabrya 2018 goda v g. Pskove / pod red.: N. V. Bol'shakovoy, A. G. Razumovskoy. – Pskov: Logos, 2020. – S. 166–181.

8. **Mazalova, N. E.** Sotsial'nyy status “znayushchikh” v traditsionnom russkom obshchestve (po materialam Povolzh'ya XIX – nachala XX v.) / N. E. Mazalova // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. – 2016. – № 2 (38). – S. 33–45.

9. **Malyy entsiklopedicheskiy slovar'**: v 4 t. T. 4 / Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya Brokgauza-Efrona. – Moskva: TERRA, 1997. – 624 s.

10. **Meletinskiy, E. M.** Mif i skazka / E. M. Meletinskiy // Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. Khrestomatiya po fol'kloristike / sost. Yu. G. Kruglov, O. Yu. Kruglov, T. V. Smirnova; pod red. Yu. G. Kruglova. – Moskva: Vyssh. shk., 2003. – S. 257–264.

11. **Nikonova, L. I.** Traditsionnaya meditsina tyurkskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya kak chast' sistemy ikh zhizneobespecheniya / L. I. Nikonova. – Ruzaevka, 2000. – 153 s.

12. **Popovkin, A. V.** K probleme razlicheniya i tipologii nositeley magicheskogo znaniya v kul'turakh vostochnykh slavyan / A. V. Popovkin, G. S. Popovkina // Vestnik slavyanskikh kul'tur. – 2022. – T. 64. – S. 65–77.

13. **Popovkina, G. S.** Koldovstvo s tochki zreniya khristianskoy traditsii / G. S. Popovkina // Trudy instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN. – 2018. – № 21. – S. 85–98.

14. **Propp, V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoy skazki / V. Ya. Propp. Nauchnaya redaktsiya, tekstologicheskiy kommentariy I. V. Peshkova. – Moskva: Izdatel'stvo «Labirint», 2000. – 336 s.

15. **Rusinova, I. I.** Leksika koldovstva, znakharstva russkikh mifologicheskikh tekstov kak osobaya ideograficheskaya sfera: kompleksnoe issledovanie: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk / I. I. Rusinova. – Perm': Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2022. – 640 s.

16. **Sadikov, R. R.** Religioznye verovaniya i obryady udmurtov Permskoy i Ufimskoy guberniy v nachale XX veka: ekspeditsionnye materialy Uno Khol'mberga / R. R. Sadikov, K.Kh. Khafiz. – Ufa: In-t etnologicheskikh issled. Ufimskogo nauch. tsentra RAN, 2010. – 100 s.

17. **Salmin, A. K.** Predvoditeli obryadov u chuvashy / A. K. Salmin. – Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 1997. – 78 s.

18. **Skazki i predaniya Samarskogo kraja.** Sobrany i zapisany D. N. Sadovnikovym // Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po Otdeleniyu Etnografii. T. XII. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1884. – 389 s.
19. **Solomina, I. Yu.** Mifologicheskoe turistskoe prostranstvo Samarskogo kraja: real'nost' i vozmozhnosti / I. Yu. Solomina // Sovremennyye problemy servisa i turizma. – 2016. – T. 10. – № 3. – S. 64–72.
20. **Shprenger, Ya.** Molot ved'm / Yakov Shprenger, Genrikh Institoris. – Sankt-Peterburg: Amfora, 2006. – 523 s.
21. **Shutova, N. I.** Udmurtskie znayushchie/gadateli tuno v kontse XVIII-XX vekakh: sposobnosti, funktsii, sotsial'nyy status / N. I. Shutova // Traditsionnaya kul'tura. – 2017. – № 2 (66). – S. 67–78.
22. **Tolkovyy slovar' russkogo yazyka:** v 4 t. T. 4 / pod red. prof. D. Ushakova. – Moskva: TERRA, 1996. – 752 s.
23. **Lipp, F.** “A Comparative Analysis of Southern Mexican and Guatemalan Shamans”, *Mesoamerican Healers*, 2001. – P. 95–116.
24. **Prufer, K. M.** Communities, Caves, and Ritual Specialists: A Study of Sacred Space in the Maya Mountains of Southern Belize. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Ph.D. Department of Anthropology in the Graduate School Southern Illinois University Carbondale, July 2002. – 777 p.
25. **Wright, M. A.** “Nephite Daykeepers: Ritual Specialists in Mesoamerica and the Book of Mormon”, *Interpreter: A Journal of Latter-day Saint Faith and Scholarship*, 2020, Vol. 28. – P. 291–306.